

ЕВРОПА И ИСПАНИЯ (СЕНТЯБРЬ 1936 г. – МАЙ 1937 г.): КУРС «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА»

В.В. МАЛАЙ

*Белгородский
государственный
университет
e-mail: malay_v@bsu.edu.ru*

На основе международного Соглашения о невмешательстве в дела Испании (август 1936) в Лондоне был сформирован Комитет по невмешательству в дела Испании. На основе большого круга архивных источников в статье прослеживается, в какой степени политика невмешательства, рожденная с целью сдержать разрастание Гражданской войны в Испании до общеевропейского конфликта, выполнила эту задачу (конец 1936 – первая половина 1937), и какие новые акценты она внесла в международные и двусторонние отношения.

Ключевые слова: гражданская война в Испании 1936-1939, политика невмешательства в дела Испании, Комитет по невмешательству, международные отношения

В разрастании начавшейся в июле 1936 г. Гражданской войны в Испании до масштабов общеевропейского конфликта не была заинтересована ни одна из держав. Но тактика «погашения» конфликта существенно различалась. Очевидность зависимости исхода войны едва ли не полностью от факта помощи извне побудил 27 европейских стран поторопиться подписать в августе 1936 г. Соглашение о невмешательстве. В национальных интересах Англии и Франции было стараться максимально дольше соблюсти нейтралитет, фашистских стран – иметь формальное прикрытие своих действий и связать соглашением Советский Союз. СССР, не питая особых иллюзий по поводу практической реализации данного соглашения, справедливо счел необходимым подключиться к нему, но к моменту подписания имел в виду несколько вариантов дальнейшей тактики.

Проблемы, с которыми столкнулись члены сформированного международного Комитета по невмешательству в дела Испании (Лондон), и которые столкнули их между собой, выкристаллизовались уже в ходе согласования и подписания Соглашения: косвенное вмешательство, права воюющих сторон, формы и методы организации контроля над поставками оружия и амуниции обеим воюющим сторонам, волонтерство и др.

Все члены Соглашения надеялись на кратковременность конфликта на Пиренейском полуострове. Формируемому Комитету по невмешательству (далее: КПН) в дела Испании изначально задавались полупассивные функции – «суммирование информации о мерах, принятых отдельными странами в связи с соглашением о невмешательстве в испанские дела, а также практическое разрешение могущих возникнуть вопросов», что заставляет задуматься о целесообразности его создания, а потом и функционирования. В этом контексте симптоматичными выглядели заявления французского и бельгийского представителей на первых заседаниях КПН и подкомитета при председателе (сформирован 15 сентября 1936 г.) о необходимости избежать дискуссий политического характера и превратить Комитет в «скромный орган примирения»¹. По образному выражению известного испаниста Д. Пуццо, КПН виделся его организаторам, как «собрание безобидных бездельников-дипломатов»².

Первый месяц реализации политики «невмешательства» при относительном равенстве сторон в Испании подтвердил стремление членов Комитета не принимать решительных мер по погашению конфликта (при объективной заинтересованности в этом). Главная проблема того периода – пресечение поставок оружия мятежникам – рассматривалась в подчиненном контексте, подменялась организационными вопросами, рассмотрением «косвенного вмешательства» (займов, сборов средств и пропаганды в

¹ Documents on British Foreign Policy (DBFP). 2nd ser. Vol. 17. Doc.178. P. 236, 247. Стенограмма 1 заседания Комитета по невмешательству в дела Испании. 9 сентября 1936 г.; Майский И.М. Испанские тетради. М., 1962. С.27.

²Puzzo D. The Nonintervention Committee and Italo-German Aid to the Nationalist/ The Spanish Civil War. Domestic Crisis or the International Conspiracy? Ed. by G. Jackson. Boston, 1967. P.69.

пользу республиканцев, реэкспорта оружия и военной амуниции), отношениями с прессой и т.д.³

Большинство военно-технических поставок мятежникам на начальном этапе шло транзитом через Португалию. НКВД СССР по указанию ЦК ВКП (б) не форсировал обсуждение в КПН вопроса о нарушениях Португалией Соглашения о невмешательстве до факта принятия советским руководством решения о помощи Мадридскому правительству (28 сентября 1936). «Я, считаю, что выдвигание подобного предложения нами могло бы слишком связать нас на будущее по отношению к каким-либо другим странам... Предлагаю, поэтому этого предложения по нашей инициативе не ставить, но в случае его выдвигания другими, голосовать за него» – подчеркивал зам. наркома по иностранным делам СССР Н.Н. Крестинский⁴.

Как следует из записи беседы зав. 3-м Западным отделом НКВД СССР А. Неймана с поверенного в делах Франции в СССР Ж. Пайяром (4 октября 1936), Советское руководство сочло, что для того, чтобы Комитет занялся своей непосредственной функцией, и поскольку никто другой с такой жалобой не выступал, «мы готовы внести ее со своей стороны и дать тем самым комитету возможность заняться, наконец, вопросом об имеющихся сведениях о нарушении соглашения некоторыми из участников», о чем был предупрежден французский дипломат⁵. В советском послании председателю Комитета от 6 октября 1936 г. предлагалось срочно обсудить этот вопрос и в качестве меры для его, хотя бы частичного, разрешения направить комиссию на испано-португальскую границу для расследования проблемы и установления там контроля в целях предотвращения незаконными поставками. На следующий день, 7 октября, советский представитель С.Б. Каган сделал от имени правительства СССР заявление председателю Комитета лорду Плимуту, помимо прочего, повторявшее требование сконцентрировать внимание КПН на расследовании действий Португалии⁶.

Появление этой ноты вызвало недовольство в европейских политических кругах. На заседании КПН 9 октября 1936 г. лорд Плимут при активном содействии итальянского и немецкого представителей старался уйти от существа вопроса, прибегая к процедурной стороне дела. Советский Союз был обвинен Плимутом в том, что, несмотря на неоднократное привлечение внимания к деятельности Португалии, делал это в общих чертах, что не позволяло Комитету, согласно протоколу, принять предложения к рассмотрению⁷.

Политика невмешательства, не принимавшая каких-либо мер против эскалации испанского конфликта, пережила первый серьезный кризис в октябре 1936 г. Его катализировали советские заявления от 7 и 23 октября. К тому времени Советский Союз начал оказывать прямую военную помощь Испанской Республике, информация о чем имелаась в распоряжении стран-членов Комитета.

Советское заявление от 7 октября (утвержденное в тот день Политбюро ЦК ВКП (б))⁸ отталкивалось от реального положения дел в Комитете и опережало ожидаемый поток обвинений в свой адрес: подчеркивалась мысль, что сложившаяся ситуация делало соглашение о невмешательстве несуществующим, и что в случае не прекращения нарушений о соглашении, советская сторона будет считать себя свободной от обязательств о невмешательстве⁹.

Реакция западных политиков (вне зависимости от политической принадлежности) на данное советское заявление была в целом отрицательной. Пресса называла его запоздалым (британская «Пипл», французская «Эвр»), обвиняла СССР в срыве Локарнских соглашений, собственно невмешательства в дела Испании («Дойче

³ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф.010. Оп.11. П.71. Д.53. Л.75-77.

⁴ Там же. Л.84. Крестинский Н.Н. – секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу Л. 23 сентября 1936.

⁵ Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.39-40.

⁶ Там же. Ф.69. Оп.24. Д.5. П.77. Л.116; ДВП СССР. Т.19. С.463-464.

⁷ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P.378, 389-393. Стенографический отчет 6-го заседания Комитета по невмешательству, 9 октября 1936.

⁸ Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Т.2. Т.2. 1930-1939. М., 2001. С.812.

⁹ ДВП СССР. Т.19. С. 463-464.

дипломатиш-политише Корреспонденс», «Фигаро», «Обсервер», «Дейли телеграф», «Таймс» и др.)¹⁰.

Выходить из КПН Советский Союз не планировал: в случае срыва соглашения Германия и Италия получили бы большую возможность поставлять оружие мятежникам, чем он – законному правительству.

Обращает внимание, что советская сторона в тот момент не заостряла особого внимания на нарушении соглашения Италией и Германией. Тезис о том, что это диктовалось стремлением форсировать свою помощь Мадриду при минимально возможном к этому вниманию, находит подтверждение в письме Н. Крестинского Л. Кагановичу (начало октября 1936 г.): «Я считаю, что нам надо обжаловать действия только одной Португалии и, соответственно, требовать посылки комиссии только на испано-португальскую границу, а не во все испанские порты. Я думаю, что сосредоточение вопроса только на одной Португалии облегчит аргументацию (имеется больше материалов) и исключит посылку комиссии в те порты, через которые может идти снабжение мадридского правительства»¹¹.

Выступление итальянского представителя на заседании Комитета 9 октября 1936 г. с обвинениями против СССР создало прецедент для дальнейших взаимных нападок о нарушении соглашения о невмешательстве Советским Союзом и фашистскими государствами как с целью придания этому большей гласности, так и отвлечения Комитета от решения других проблем¹².

Об углублении кризиса политики невмешательства свидетельствовал и отрицательный ответ лорда Плимута на советское заявление от 12 октября, в котором настаивалось на организации в португальских портах контроля силами английского и французского флотов и срочном обсуждении сделанного предложение. Плимут мотивировал отказ отсутствием в советской ноте дополнительных доказательств нарушения Соглашения и тем, что ответ португальского правительства, предусмотренный заседанием 9 октября, не получен: «нецелесообразно в этой стадии созывать новое заседание Комитета для существования вопроса»¹³.

Примечательна тактика ведущих европейских держав до знаменитого Советского заявления в КПН 23 октября 1936 г. Фашистские государства после каждой советской ноты через своих представителей в Лондоне осуществляли зондаж английских политических кругов. Накануне заседания Комитета 23 октября итальянский посол Гранди при встрече с министром иностранных дел Британии А. Иденом поинтересовался, что тот считает нужным предпринять в ответ на советские демарши. Гранди доверительно сообщил, что по имеющимся данным, германский ответ на советскую ноту от 12 октября будет содержать антисоветские обвинения, и что итальянцы намерены поддержать эту линию¹⁴. Великобритания заняла выжидательную позицию. Французский поверенный в Москве Пайяр, согласно дневникам А.Ф. Неймана, едва ли не каждый день заходил «проинформироваться о положении на Лондонском комитете и об оценке этого положения нами»¹⁵. На замечание Неймана, что было бы неплохо, если бы Пайяр информировал Париж о том, что «мы относимся к нашим демаршам перед Комитетом весьма серьезно и не можем понять причин уклонения от созыва заседания в данной обстановке», французский дипломат сослался на то, что «французское правительство в этом вопросе находится под английским давлением». При этом французский поверенный выражал озабоченность, не получит ли Германия свободу рук в случае объявления соглашения недействительным¹⁶.

Новые нюансы советской тактики открываются по ставшими доступными архивным документам. 14 октября 1936 г. советский посол в Лондоне И. Майский вместе с Каганом посетил Плимута и подтвердил советское требование о немедленном созыве Комитета. Плимут аргументировал отказ тем, что до получения ответов на запросы Комитета от Португалии,

¹⁰ АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.29, 31-32, 47-49, 54-55; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 277. P.377; Sunday Express. 1936. Oct. 12.

¹¹ АВП РФ. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.2.

¹² Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.21-23.

¹³ Там же. Л.13; Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.66; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P.477; Doc.328. Note 4. P.467.

¹⁴ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. P.449.

¹⁵ АВП РФ. Ф.069. Оп. 20. П.60. Д.9. Л.73-74, 77,78-79, 91-93. Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.35, 41, 42.

¹⁶ Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.42; Там же. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.9. Л.78-79.

Германии и Италии или от одной Португалии, делать это бесполезно. Плимут вручил Майскому уже заготовленное письмо, содержащее такой ответ. Получивший об этом информацию Н.Н. Крестинский в докладной Л. Кагановичу предлагал в случае отказа созыва Комитета дать в печать письмо Кагана от 12 октября. Следующая записка Кагановичу от того же дня предусматривала поручение И. Майскому и полпреду СССР в Париже В. Потемкину посетить, соответственно, А. Идена и И. Дельбоса, опротестовывая «поведение председателя Комитета». По мнению Крестинского, этот демарш был необходим, чтобы «иметь возможность потом сказать, что мы исчерпали все меры для созыва Комитета». Проект сообщения в печать прилагался¹⁷. Днем ранее, 13 октября, советское руководство допускало возможность в случае созыва заседания Комитета, письмо не публиковать, а сразу напечатать речь, с которой И. Майский должен был выступить на заседании в обоснование предложения о контроле над португальскими портами¹⁸.

Отказ Плимута созвать срочное заседание побуждал советскую сторону «в близком будущем опубликовать свое третье заявление без предварительного развертывания вопроса на заседании Комитета». Крестинский справедливо допускал, что в таком случае «наши враги (курсив наш: В.М.), а также представители французского и английского правительств» обвинят СССР в том, что он не исчерпал всех возможностей для созыва Комитета, удовлетворившись отрицательным ответом председателя Комитета. И в докладной Л. Кагановичу от 15 октября он предлагал, чтобы И. Майский и В. Потемкин при посещении министров иностранных дел стран своей аккредитации подчеркнули, что советская сторона расценивает известный отказ «как доказательство нежелания английского и французского правительств принять эффективные меры к прекращению незаконного снабжения мятежников оружием». Крестинский предлагал, чтобы эти заявления были сделаны устно: «Мы не будем немедленно сообщать в печать об этих демаршах. Но мы сошлемся на них тогда, когда будем выступать с нашим последним заявлением»¹⁹.

В телеграмме Майскому 19 октября Крестинский подчеркивал, что нужно будет выступить с заявлением, «когда окончательно выяснится крах политики невмешательства, ...момент и форма Вашего выступления с этим заявлением будут Вам дополнительно указаны по телефону». Поправки, которые Майский предложил по телеграфу, были «сообщены руководящим товарищам»²⁰. Посетивший А.Ф. Неймана 20 октября Пайяр просил хотя бы «намёка на дальнейшие намерения советского правительства»²¹.

Днем ранее А. Нейман в служебной записке Н.Н. Крестинскому уточнял советскую тактику в Лондоне, справедливо сомневаясь, что после подготовленного советского заявления о потенциальном выходе из Комитета тот «не будет сохранен и не превратится в орган, отвечающий устремлениям немецкой политики, поскольку в нем будут участвовать все страны за исключением СССР. «Прямая постановка вопроса о роспуске Комитета, – по мнению Неймана, – может не привести к положительным результатам». Он полагал, что советский представитель должен был добавить, что «Если Вы, господин Председатель, сочли бы уместным созвать (еще одно) заседание комитета, я позволю себе зарезервировать за собой право на этом заседании более подробно изложить приведенные выше соображения». Таким образом, мы обеспечили бы себе возможность принять участие в заседании комитета даже после декларации о прекращении существования соглашения». В отношении Франции советская дипломатия придерживалась прежней тактики – извещение той о советском демарше за несколько часов до его оглашения²².

22 октября из советского полпредства в Париже в НКВД СССР пришло сообщение о заявлении Дельбоса относительно позиции Франции в случае выхода СССР из Комитета

¹⁷ Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л. 71, 72-74. Зам. НКВД Крестинский Н.Н. – секретарю ЦК ВКП (б) Кагановичу Л. 14 октября. Копии: Сталину, Молотову, Ворошилову, Орджоникидзе.

¹⁸ Там же. Л.67.

¹⁹ Там же. Л.83.

²⁰ Там же. Л.97.

²¹ Там же. Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.43б.

²² Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.14-16.

и войны между СССР и другими государствами: франко-советский пакт не будет действовать автоматически, вопрос должен передаваться на рассмотрение Лиги Наций, для ввода пакта в действие необходим факт нападения на территорию СССР²³.

Советское заявление, оглашенное на заседании Комитета 23 октября 1936 г. [ввиду систематических нарушений другими странами Соглашения о невмешательстве Советское правительство не может считать себя связанным им в большей степени, чем любой из остальных участников этого соглашения: В.М.], было сдержанно расценено официальным Парижем, хотя Пайяр в беседе при встрече с А.Ф. Нейманом в тот же день высказал мысль, что ему лично советская позиция кажется логичной²⁴.

Тремя днями позже, пытаясь попасть на прием к М. Литвинову, Пайяр подчеркнул Нейману: «Я не знаю, нарушаете ли Вы соглашение или нет, и не желаю этого знать. Я не знаю, нарушает ли соглашение и мое правительство. Что мне кажется особенно важным в настоящий момент, это обеспечить функционирование комитета». В беседе присутствовали завуалированные взаимные обвинения в бездеятельности. На вопрос Пайяра, планирует ли СССР соблюдать соглашение о невмешательстве, Нейман ответил, что «мы связаны соглашением в тех пределах, в которых это соглашение действительно выполняется другими»²⁵.

В ноте Португалии от 26 октября подчеркивалось, что в роли обвиняемого должно выступать Советское правительство: «Коммунизм борется на Пиренейском полуострове в большой битве, от результатов которой зависит судьба Европы. Розенберг [советский полпред в Испании: В.М.] принимает участие в заседаниях кабинета – факт, который является исключительным в дипломатической истории»²⁶.

Сохранение видимости невмешательства отвечало в тот момент интересам всех членов Комитета. Крах этой политики мог повлечь еще более серьезные осложнения в международных и двусторонних отношениях, чем сам факт начала испанской войны. 24 октября 1936 г. на встрече Идена с французским послом Корбеном была достигнута договоренность, что оба правительства будут действовать в тесном контакте по выводу «невмешательства» из кризиса: «продолжать все, что в наших силах, чтобы сохранить Комитет действующим и Соглашение эффективным»²⁷.

Таким образом, Советский Союз в результате демаршей октября 1936 г. объявил себя свободным от обязательств о невмешательстве, но остался в Комитете по невмешательству. Соглашение о невмешательстве ликвидировано не было. Советская дипломатия справедливо прогнозировала, что Германия и Италия изменят свою тактику и переведут центр тяжести на вопрос о контроле, но контроле, в первую очередь, над каталонскими портами²⁸.

На заседании Комитета 28 октября Плимут добился утверждения резолюции, признающей необоснованность советских обвинений против Италии и Португалии. Вместе с тем, Комитет принял к сведению 15 из 20 пунктов итальянской ноты против СССР²⁹.

Несколько ранее Плимуту удалось отстоять новый «процедурный момент», помогающий избежать острой постановки вопросов на заседаниях Комитета путем передачи их на рассмотрение в подкомитет при председателе, круг участников которого был сужен по сравнению с Комитетом с 27 по 8 членов. Поэтому британский проект посылки специальных агентов Комитета в испанские порты и пограничные железнодорожные узлы был представлен 24 октября на заседании подкомитета. В полномочия агентов входили сбор и передача в Комитет информации обо всех случаях нарушения Соглашения. Английское предложение лишь дополняло советское. Но лорд Плимут настаивал на его обсуждении как самостоятельного, подчеркнув в очередной раз невозможность рассмотрения вопроса о контроле в Португалии. Советская сторона

²³ Там же. Ф. 010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.127.

²⁴ Documents Diplomatiques francais. 2-e ser. (DDF). T.3. Doc.429. P.661-662; АВП РФ. Ф.069. Оп.20. Д.9. П.60. Л.95.

²⁵ АВП РФ. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.17-18; Ф.069. Оп.20. П.60. Д.9. Л.91-93.

²⁶ Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.36-37.

²⁷ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 327. P. 465.

²⁸ АВП РФ. Ф.082. Оп.19. П.83. Д.4. Л.117.

²⁹ Там же. Ф.69. Оп. 27. П.88. Д.29. Л.103-104, 106-107; DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 339. Note 2. P. 444.

заострила внимание на необходимости установления действенного контроля, требуя при этом определения основ его организации³⁰.

Первый кризис политики невмешательства был преодолен относительно безболезненно для международных отношений, но осложнил двусторонние, углубил собственно испанский кризис. Никто не был готов и заинтересован в решении его основных задач. Кризис выявил, что одной из главных проблем политики невмешательства являлся контроль над поставками оружия и амуниции в Испанию. Другая принципиальная проблема – волонтерство – обозначится немного позже.

Дебаты по проблемам контроля шли в Комитете и подкомитете в конце октября – первой половине ноября 1936 г. Плимут уже тогда настаивал обратиться к «обеим сторонам» в Испании с его формулой (это случайно стало известно из разговора И.М. Майского с Корбенем) в расчете, что испанское правительство или мятежники отклонят предложение Комитета, и уже на законном основании можно будет не предпринимать почти никаких мер. Ответом на это были категорические возражения советского представителя против принятия каких-либо шагов до выработки проекта контроля с требованиями более точного определения основ организации контроля, функций местных агентов Комитета, вопроса их назначения³¹.

К концу заседания подкомитета 2 ноября был разработан проект основных положений о контроле в следующей формулировке: нейтральные агенты Комитета будут посланы в Испанию и испанские владения с согласия обеих сторон, одна группа на территорию испанского правительства, другая – мятежников. Агенты должны были назначаться единогласно пленарным заседанием Комитета. Их функция состояла в расследовании дошедших до сведения Комитета случаев нарушения невмешательства. Советское предложение о правах уполномоченных по своей инициативе сообщать в Комитет о поставках оружия, а также о контроле в португальских портах за ввозом самолетов (в противном случае контроль был бы половинчатым и неэффективным) не было принято во внимание³². Утверждение 12 ноября Пленарным заседанием КПН схемы контроля не имело следствием срочного принятия практических мер. Обсуждались детали, увязки применения плана контроля на практике.

Справедливости ради отметим, что в рассматриваемый период подобная тактика устраивала до определенной степени и советскую сторону. Министр финансов Испанского правительства Негрин на встрече с поверенным в делах СССР в Испании С. Марченко 18 ноября подчеркивал, что у испанского руководства «все еще мало власти,... Поэтому нам было бы выгодно закончить войну в ближайшие 2-3 месяца, ибо за это время мы еще успеем навести порядок внутри страны. Победа нам нужна не ранее чем через полгода»³³. 4 ноября М.М. Литвинов передавал полпреду СССР в Испании М.И. Розенбергу: «...Я веду дело в Лондонском Комитете на перемещение центра тяжести его деятельности на установление контроля на будущее время. Необходимо несколько отвлечь Комитет от вопросов о том, что считаем ли мы еще себя связанными соглашением о невмешательстве. Эти вопросы ставят нас в неудобное положение, ибо формально фашистские страны не признаны нарушителями соглашения, а нам грозит еще опасность неприятных разоблачений... Я не думаю, чтобы Мадрид имел возможность получить сколько-нибудь серьезные грузы из других источников. Таким образом, сам Мадрид будет заинтересован в максимальном затруднении поставок мятежникам, если он сам **несколько** (выделено: В.М.) пострадает от контроля. Если бы нам удалось провести в Комитете наши предложения касательно контроля, то Италия и Германия вынуждены были бы либо совершенно отказаться от снабжения мятежников, либо открыто денонсировать соглашение. Нам же выгодно и то и другое. Сомнительно, однако, чтобы наши предложения были бы приняты Комитетом. Скорее всего, будет установлен контроль, оставляющий лазейки для поставок, но и такой исход облегчит наше пренебрежительное отношение к Комитету и наши дальнейшие разоблачения»³⁴.

³⁰ АВП РФ. Ф.69. Оп.27. Д.29. Л.109; Д.31. Л.51.

³¹ Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л. 237-239, 249-250; Ф.69. Оп.27. Д.29. Л.109-110.

³² Там же. Ф.010. Оп.11. П.71. Д.55. Л.249-250.

³³ Там же. Ф.097. Оп.13. П.103. Д.24. Л.4.

³⁴ Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Лл.45-46.

В конце ноября 1936 г. Марченко сообщал Литвинову об удовлетворительной реакции испанских руководителей в связи с совпадением их мнения с советским: «нужно... вновь и вновь возвращаться к этому вопросу и **максимально оттянуть признание и контроль**» (выделено: В.М.)³⁵.

Письмо И.М. Майского лорду Плимуту (11 ноября 1936 г.), где поднимался вопрос о т.н. «добровольцах» (или волонтерах), под видом которых Франко получал хорошо экипированные и обученные регулярные иностранные части, не было поставлено на обсуждение.

Советское предложение от 4 декабря 1936 г. предлагало усовершенствовать план контроля, распространив соглашение о невмешательстве на проблему «волонтеров». Отсутствие у Комитета стремления поставить этот вопрос в повестку дня заставило советскую сторону вновь подчеркнуть актуальность проблемы в нотах М.М. Литвинова (9 декабря) английскому и французскому послам в Москве и письме советского представителя в КПН секретарю этой организации Хеммингу (18 декабря)³⁶.

19 декабря в письмах Чилстона и Кулондра М. Литвинову была поднята проблема посредничества между законным испанским правительством и франкистами. М. Литвинов такой возможности не исключал, располагая информацией о беседе Л. Блюма с М. Розенбергом, в которой французский премьер предложил эту идею вместе с назначением в Испании плебисцита под иностранным контролем: «Я лично считаю такое предложение заслуживающим внимания, но вопрос у нас не будет обсуждаться до официальной его постановки»³⁷.

И.М. Майский дополнил эту мысль предложением «приложить максимум усилий к реализации англо-французского проекта посредничества между борющимися сторонами»: «если с помощью германских и итальянских «добровольцев» Франко опять начнет побеждать и, может быть, захватит Мадрид, нашему престижу будет нанесен сильный удар». Советский дипломат осознавал все трудности этого варианта и не исключал, что «Германия и Италия захотят пойти напролом». Наряду с реализацией посредничества он справедливо считал нужным изыскать все возможные средства для парирования опасности, которую представляло появление германских и итальянских войск на испанской территории³⁸.

В начале декабря 1936 г. советская, как и испанская сторона, относительно пессимистически оценивали перспективы обороны Мадрида. Возможность его падения допускалась и связывалась с расширением итало-германского присутствия в Испании³⁹. И если инициатива остро необходимого контроля над поставками мятежникам положительно оценивалась официальным Парижем, то у Лондона она не вызывала энтузиазма, требующегося для его срочной реализации. «Таймс» утверждала, что эта мера продиктована узкопрактическими мотивами и подчеркивала, что «организация сейчас эффективного контроля над портами и границами сохранит военное преимущество, достигнутое Россией в Испании»⁴⁰.

Таким образом, в политике невмешательства к концу 1936 г. сложилась двойственная ситуация: функционирование Комитета, члены которого – Германия, Италия, с одной стороны, и СССР – с другой, помогали воюющим сторонам. При этом фашистские государства почти не скрывали своего присутствия на Пиренейском полуострове, участие в КПН носило для них подчиненный характер, следовательно, дискуссии по основным вопросам играли не первостепенную роль, т.к. не могли принципиально повлиять на испанскую составляющую их внешней политики.

По информации, полученной советником полпредства СССР в Испании Гайкисом от испанского посланника в Берне, в конце декабря 1936 г. Гитлер собрал совещание по

³⁵ Там же. Ф.011. Оп. 1. П.4. Д.37. Л.151.

³⁶ Там же. Ф.05. Оп.16. П.119. Д.64. Л.69; ДВП СССР. Т.19. С. 675-676.

³⁷ АВП РФ. Ф.010. Оп.11. Д.53. Л.165-166; Ф.0136. Оп.20. П.167. Д.828. Л.28.

³⁸ Там же. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4. Л.71.

³⁹ Там же. Ф.069. Оп.20. П.60. Д.4. Л.71; Ф.05. Оп.16. Д.64. Л.89.

⁴⁰ DBFP. 2nd ser. Vol. 17. Doc. 498. P.714-715; The Times. 1936. 14 Dec.

вопросам политики в Испании, на котором обозначились некоторые расхождения относительно дальнейшего немецкого вмешательства в испанские дела⁴¹.

Советский Союз старался обеспечить максимально возможную информационную поддержку своей политике, на каждое обвинение отвечая, что он оказывает помощь законному правительству, а не мятежникам. Он выступал с инициативами в КПН, фактически представляя как свои, так и испанские интересы.

В английской позиции тесно переплетались две тенденции: боязнь как «красной Испании», так и перспектив итало-германского господства на Пиренейском полуострове. Эта тактика зависела от обстановки в самой Испании, и в Европе. Поэтому в КПН Великобритания на уровне дебатов изображала активную деятельность по урегулированию испанского вопроса, но, не выказывая реального стремления к осуществлению нужных мер. Франция по большинству позиций в Комитете поддерживала Англию, вызывая справедливые нарекания советской стороны. Как замечал в декабре 1936 г. М. Литвинов, «имеются все признаки усиления тревоги в Париже и Лондоне в связи с развитием испанских дел, но это не значит, что Париж и Лондон существенно изменят свою тактику»⁴².

Советское руководство считало, что шедшие в декабре 1936 г. переговоры по вопросам контроля, волонтерства и посредничества создавали повод для более решительных выступлений Англии и Франции, а именно, в случае отклонения предложений по этим вопросам Германией и Италией или задержки ими ответа заявить, что Лондон и Париж оставляют за собой свободу действий: «Только такое заявление могло бы произвести впечатление в Берлине и Риме»⁴³.

На заседании подкомитета 22 декабря лорд Плимут ограничился заявлением, что британское правительство очень озабочено фактом увеличивающегося притока в Испанию волонтеров и предложил всем странам в ближайшее время (было упомянуто 4 января 1937 г.) принять на себя обязательство о запрещении волонтерства⁴⁴. Англо-французским планом от 24 декабря предлагалось установить контроль на франко-испанской и испано-португальской границах, а прибрежные воды Испании патрулировать военным флотом стран-участниц Соглашения. Параллельно велась подготовка к соглашению между Великобританией и Италией⁴⁵. «Почти невозможно доверять искренности британцев в их позиции нейтралитета, исходя из моих частных бесед с британским послом Чилтоном, – писал посол США в Испании Бауэрс. – Каждое их действие идет так далеко, что явно ведет к падению правительства и служит мятежникам»⁴⁶.

9 января 1937 г. английское правительство запретило своим гражданам выезд в Испанию. Советский Союз принял аналогичное постановление 20 февраля.⁴⁷

Согласованные на заседании подкомитета 15 февраля 1937 г. планы по вопросам добровольцев и о контроле должны были вступить в силу, соответственно, 20 февраля и 6 марта. Схема контроля обладала рядом слабых мест: поставки по воздуху не затрагивались, португальское побережье не патрулировалось. План не предусматривал санкций против стран-нарушительниц Соглашения⁴⁸.

Советская дипломатия, проводя активную линию на установление контроля, периодически шантажировала участников КПН угрозой выхода из этой организации в ответ

⁴¹ АВП РФ. Ф.097. Оп.12. П. 102. Д.17. Л.67.

⁴² Там же. Ф.0136. Оп.167. Д.828. Л.34-а.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. Ф. 069. Оп. 20. Д.5. Л.51-52; Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. Т.2. С.835.

⁴⁵ По т.н. «джентльменскому» англо-итальянскому соглашению от 2 января 1937 г. Средиземноморье признавалось зоной жизненных интересов Британской империи и Италии. Италия фактически получала свободу рук в Испании в обмен на обязательство не затрагивать английские интересы в Испании и Средиземноморье. – АВП РФ. Ф.069. Оп.21. П.62. Д.4. Л.8.

⁴⁶ АВП РФ. Ф.69. Оп.27. Д.25. Л.54-56; FRUS. Diplomatic Papers. 1937. Vol. 1. P.224-225.

⁴⁷ АВП РФ. Ф.069. О.21. П.62. Д.8. Л.133-136.

⁴⁸ ДВП СССР. Т.20. С.86.

на проволочки в решении проблем⁴⁹. Характерен маневр, предпринятый советской стороной (декабрь 1936 – февраль 1937), – вслед за борьбой за право участия флота СССР в морском контроле, после его получения последовал отказ под предлогом отсутствия в Испании собственных баз при нежелании пользоваться английскими или французскими⁵⁰.

В советской тактике сочетались заявления типа: «положение в Испании может быть урегулировано лишь немедленным отзывом всех волонтеров» с тактическими установками: «... до осуществления контроля должно пройти немало недель, в течение которых необходимо постараться ввезти максимальное количество снарядов»⁵¹.

Советский Союз до последнего задерживал выплату первого взноса на организацию контроля за поставками в Испанию. 31 января 1937 г. решением Политбюро ЦК ВКП (б) доля советских расходов в этом направлении была увеличена до 136 тыс. ф.ст. При этом оговаривалось, что первый взнос в размере 20 тыс. ф.ст. будет переведен тогда, когда начнут поступать взносы от других государств. В начале марта 1937 г. И. Майский сообщил в Москву, что дальнейшая отсрочка платежей невозможна. 10 марта М. Литвинов в письме Председателю Совнаркома СССР В. Молотову просил дать указания Наркомфину о немедленном переводе денег в Лондон⁵².

Обладавший принципиальными недостатками контроль способствовал дальнейшим успехам мятежников. Он не устраивал ни одну из сторон, ведших борьбу в Испании, или стоявших за ними. Но европейские страны вынуждены были играть по правилам, экспромтом, складывавшимся в ходе «игры». Италия, Германия и СССР получали возможность хоть частично отвести от себя обвинения в нарушении Соглашения о невмешательстве. По понятным причинам от поддержки воюющих сторон в тот момент отказываться никто не планировал. Великобритания и Франция получали возможность продемонстрировать приверженность политике «невмешательства». Эта «хорошая мина при плохой игре» станет обычной практикой в дальнейшей деятельности Комитета по невмешательству.

Дает основания для такого вывода и анализ хода реализации другого актуальнейшего вопроса политики невмешательства – вывода иностранных войск из Испании. 13 марта 1937 г. испанский посол в Лондоне Аскарате передал Плимуту ноту с конкретными примерами итальянской интервенции и просьбой рассмотреть эту проблему. В меморандуме испанского правительства руководителям Англии и Франции от 21 марта 1937 г. подчеркивалась готовность Мадрида «пойти на некоторые жертвы – испанская зона Марокко», принять во внимание в своих экономических, военных, морских и воздушных отношениях «интересы обеих держав, поскольку они будут совместимы с ее собственными интересами». В качестве ответного англо-французского шага предлагалось принять «зависящие от них меры, чтобы впредь прекратить окончательно вмешательство Германии и Италии в испанские дела», а первого шага – «элиминирование из испанской борьбы всякого иностранного вмешательства»⁵³.

На 43-м заседании подкомитета (23 марта 1937 г.) И.М. Майский поднял этот вопрос. На следующий день на пленарном заседании он потребовал от Комитета расследования жалоб, содержащихся в испанской ноте, и предложил направить в Испанию комиссию для выяснения случаев посылки итальянским правительством после 20 февраля (вступление в силу соглашения о добровольцах) «волонтеров» и продолжающегося снабжения Франко материалами, участия регулярных частей итальянской армии в военных действиях. Для придания большей огласки этой проблеме речь И. Майского на заседании была передана через ТАСС. Плимут упрекнул И.М. Майского в несоблюдении дипломатических формальностей – нота с заявлением не

⁴⁹ АВП РФ. Ф.69. Оп.27. Д.27. Лл.60-61; Д.28. Лл.122-123; Ф.05. Оп.16. Д.64. Лл.66-67; Ф.097. Оп.12. Д.15. Л.39. В начале февраля 1937 г. выход СССР из Комитета допускался уже не в декларативной форме. «Возможно, в случае неудовлетворения наших требований, мы даже уйдем из Комитета», – писал М. Литвинов М. Розенбергу 4 февраля 1937 г. – АВП РФ. Ф.011. Оп.1 П.4. Д.37. Л.14.

⁵⁰ См.: Малай В.В. Судьба Республики решалась не в Мадриде. Белгород, 1999. С.35-36.

⁵¹ АВП РФ. Ф.069. Оп.21.П.62. Д.8. Л.97. Дневник В.П. Потемкина. Беседа с английским послом Чилстоном 16 октября 1937 г.; Там же. Ф.097. Оп.12.Д.15. Л.39. М.Литвинов – полпреду СССР в Испании М.Розенбергу М.И., 7 февраля 1937.

⁵² Там же. Ф.069. Оп.21. П.62. Д.8. Л.28.

⁵³ Там же. Ф.011. Оп.1. П.4. Д.37. Л.26-28.

была передана ему лично, а зачитана на заседании. Под предлогом нарушения советским представителем протокольных моментов и, не желая «усилить напряжение и затруднить реализацию основной задачи, стоящей сейчас перед Комитетом – эвакуацию волонтеров из Испании», английские дипломатические круги инспирировали отклонение советского предложения.

В беседе с И. Майским 6 апреля 1937 г. Плимут пообещал, что, если в течение недели от итальянского правительства не будет получен положительный ответ по названному вопросу, подкомитет все равно будет создан, и на обсуждение будет поставлено советское заявление от 24 марта. Это обещание выполнено не было. Тем более, что Гранди подчеркнул в беседе с Иденом 10 апреля, что «для итальянского правительства невозможно согласиться на предложение, хоть на квоту исходящее от Советского правительства»⁵⁴.

Таким образом, Комитет по невмешательству в дела Испании на первом этапе своего функционирования при ведущей роли британской дипломатии, соглашательстве Франции и молчаливом одобрении фашистских государств саботировал большинство инициатив, способных смягчить испанский конфликт, расценивая их не как попытку урегулирования, но как стремление советской стороны к «коммунистической экспансии». В итоге серьезных оснований для локализации испанского конфликта к весне 1937 г. создано не было. Он приобретал все более затяжной характер, обостряя также международные отношения в Европе.

Можно согласиться с Д. Пуццо, что «испанская война выигрывалась и терпела поражение не в Бургосе и Мадриде, не у Теруелл или вдоль Эбро, а в кабинетах Европы»⁵⁵.

Политика «невмешательства» дорого обошлась самой Испании и всей системе международных отношений накануне Второй мировой войны, подрывая веру в действенность международных пактов, соглашений, договоров, способных остановить агрессию.

EUROPE AND SPAIN (SEPTEMBER 1936 – MAY 1937): THE COURSE OF THE NON-INTERVENTION

V.V. MALAY

Belgorod State University
malay_v@bsu.edu.ru

The international Non-Intervention Committee (London) was formed on basis of Agreement on Non- Intervention to Spain (August 1936). The Non- Intervention policy given birth with the purpose to constrain growth of the Spanish conflict up to all-European is traced on the base of rich sources including archives. It is studied in what degree this problem has been decided at the end of 1936 - first half of 1937, and what new accents have been brought to two-sided and international relations.

Key words: Spanish Civil war 1936-1939, Non-Intervention policy, Non- Intervention Committee, international relations.

⁵⁴ Там же. Ф.69. Оп.27. Д.33. Л.89-90; Известия. 1937. 27 марта; ДВП СССР. Т.20. С.158; DBFP. 2nd ser. Vol. 18. Doc.392. P. 605.

⁵⁵ *Puzzo D. Spain and Great Powers.1936-1941.N.Y, 1961. P.195.*